

Человек в пространстве языка поэзии

© М.А. ТАРАСОВА,

кандидат филологических наук

В статье рассматриваются новые слова, пополняющие класс существительных, обозначающих человека по действию, в языке современной русской оригинальной и переводной поэзии. Их сопоставление дает возможность сделать вывод о том, что в оригинальных текстах автор более свободно обращается с ресурсами русского языка. В оригинальном творчестве поэт стремится выйти за рамки языковой нормы, создать свою поэтическую систему, свое языковое пространство. При переводе же он связан ограничениями, налагаемыми наличием оригинала, системой принимающего языка и ориентацией на адресата. Это приводит к тому, что прозрачность переводного текста выше, чем оригинального, что ведет к реализации в нем только потенциальных форм, в текстах же оригинальной поэзии возникают и окказиональные, и потенциальные словоформы.

Ключевые слова: современная поэзия, перевод поэзии, потенциальные формы, окказионализмы.

DOI: 10.31857/**РЫБА!!**6190000355-6

The article deals with new words that supplement the class of nouns that denote a person by action, in the language of modern Russian original and translated poetry. Their comparison makes it possible to conclude that in the original texts the author is more freely dealing with the resources of the Russian language. In original work, the poet seeks to go beyond the scope of the linguistic norm, to create his own poetic system, his language space, when translated, he is bound by the limitations imposed by the presence of the original, by the system of the receiving language and by the orientation toward the addressee. This leads to the fact that the transparency of the translated text is higher than the original, which leads to the realization in it of only potential forms; in the texts of the original poetry there arise both occasional and potential word forms.

Keywords: modern poetry, translation of poetry, potential forms, occasionalisms.

Языковое пространство — это та среда, в которую мы погружены постоянно, это то, чего мы не замечаем, и то, что подпитывает нас каждую минуту, то, что делает нас носителями данной культуры, мировоззрения. И в то же время мы постоянно неосознанно ведем языковую работу — преобразуем языковое пространство. Ведь пространство языка — это

пространство возможностей, это бесконечное множество реализованных и нереализованных, но потенциально возможных единиц (форм, конструкций), или даже единиц, казалось бы, невозможных, нарушающих законы языка, но, тем не менее, получающих реализацию в одной из его подсистем.

И в этом смысле язык поэзии уникален — именно здесь в полной мере реализуется то, что заложено в системе языка и может быть проявлено через какое-то время или же, наоборот, нарушает языковые нормы и не воплотится в узусе никогда. Иными словами, в пространстве поэтического языка максимально полно реализуются все возможные (и невозможные с точки зрения сегодняшней нормы) тенденции (формы, механизмы, отношения). Решающую роль здесь играет интенция поэта, его языковая стратегия. Поэтому язык поэзии, хоть и обладает общими чертами и свойствами, это некая условность, среда, складывающаяся из многих поэтических «Я» не только поэтов, но и поэтов-переводчиков. Весьма интересно рассмотреть, как оригинальная поэзия обращается с ресурсами языка и как переводная поэзия, имея в своем арсенале те же ресурсы, использует их по-другому — не столь радикально. В рамках данной статьи мы обратимся к анализу новообразований, пополняющих класс существительных, обозначающих человека по действию, в языке современной русской оригинальной и переводной поэзии.

Состав новообразований неоднороден — условно их можно разделить на потенциальные слова и окказионализмы. Потенциальные слова имплицитно присутствуют в языке «как некая еще не использованная языковая возможность» [1], окказионализмы же связаны с языковым экспериментом. По мнению Е.А. Земской, потенциальные и окказиональные слова — это «два полюса словообразования: первые являются реализацией законов словообразования, вторые — нарушением этих законов» [2]. «Слова потенциальные создаются по наиболее продуктивным типам, заполняя пустые клетки словообразовательных парадигм» [3. С. 180], а окказионализмы, соответственно, реализуют непродуктивные словообразовательные модели и/или создаются с нарушениями.

В языке переводной поэзии новые слова — номинации человека по действию возникают в основном как эквиваленты английских неузуальных слов с суффиксом *-er*: «So it is obvious that the tuber is a sybaritic softie, / And will never accomplish anything lofty. / How different is the *showerer*, whose chest is often festooned // with hair such as bedecked our ancestors arboreal!» — «Вывод: **ванщик** — изнеженный сибарит / И ничем не будет никогда знаменит. / Другое дело — энергичный **душист**: он презирует роскошь и негу и подставляет / мускулистую грудь, украшенную мужественным волосатым покровом, под / мощно бьющую водную струю...» (О. Nash) (О. Нэш, пер. И. Комаровой. Выделенный курсив здесь и далее наш. — М.Т.). По-морфемный перевод неузуального слова *tuber*, образованного от глагола *to tub* (принимать ванну), можно было бы признать удачным: суффикс *-щик*

образует «слова-характеристики по склонности к действию или постоянно выполняемому действию» (типа *спорщик*, *вздорщик*) [Там же. С. 116], если бы созвучие новообразования *ванищик* с узуальным словом *банищик* не вызывало у читателя лишних ассоциаций.

Второе созданное в тексте перевода слово *душист* также является полным соответствием английского новообразования *showerer* — от английского *to shower* — принимать душ. Суффикс *-ист*, выбранный переводчиком как аналог *-er*, отвечает этой задаче, так как он образует имена существительные со значением лица, которое характеризуется определенным действием или склонностью (*скандалист*, *шантажист*). Необходимо отметить, что «*-ист* — морфема, наделенная серьезной книжностью, самоуважительностью. Прибавление этого форманта к основам, именующим бытовые предметы, создает пародийное звучание» [Там же. С. 106], что важно для данного текста. Однако здесь также возникают дополнительные ассоциации с прилагательным *душистый* из-за омонимии с его краткой формой.

Таким образом, каждое из предложенных переводчиком соответствий не совсем удачно, так как вызывает в сознании читателя лишние ассоциации, которые, однако, в тексте стихотворения почти полностью снимаются, так как на первый план выходит семантическая близость этих слов. Здесь необходимо отметить, что в оригинале семантическая близость новообразований *tuber* и *showerer* также поддерживается их формальным совпадением, которое в русском переводе не было достигнуто из-за использования переводчиком разных суффиксов. В то же время оба новообразования демонстрируют потенциальность языковой системы в области образования существительных, номинаций деятеля.

В текстах переводной поэзии наиболее активно в качестве эквивалента суффикс *-er* используется формант *-тель*: «this *sloosher* at yr gory / dry dung door, this mounth / of silverwhite arring to hold thee» / this *purger* of conscience / arra for thee» — «этот **плескатель** в твою кровавую / сухую навозную дверь, серебряно-белая / пасть разверстая чтоб тебя удержать, / **опорожнитель** сознания / уррра тебе» (J. Kerouac) (Дж. Керуак, пер. Д. Борисова). *To sloosh* переводится как *мыть(ся)*, что метафорически переосмыслено переводчиком в *плескать*; *to purge* переводится как *очищать*, *прочищать*, *удалять*, что является синонимом *опорожнять*; русский суффикс *-тель*, выступая как эквивалент *-er*, имеет значение лица, «занимающегося той или иной деятельностью» [4. С. 465], при этом он является регулярным и продуктивным. «Существительные на -тель несут в себе печать книжности, нередко высоты, которая может иронически переосмысливаться». Именно поэтому данный суффикс порождает номинацию лиц от глаголов различной семантики и стилистической нагруженности [3. С. 118].

Интересно, что *опорожнитель* в значении лица, совершающего опорожнение чего-либо, упоминается в словаре В. Даля [5]. Таким образом, возникновение данной формы опирается на возможности системы

принимающего языка, состоящие в реконструкции исторической формы. Однажды исчезнувшие единицы (формы, конструкции) не исчезают окончательно, но имплицитно присутствуют в языковом пространстве в виде потенциальных возможностей и могут вновь вернуться в активный словарный запас носителей языка.

Потенциальное слово *плескатель* встречается в интернете (600 вхождений), *опорожнитель* — 444 вхождения, но здесь его значение скорее соотносимо с предметом (*навесное оборудование: опорожнитель для разгрузки, опорожнитель тары* и др.), который опорожняет, а не с лицом, как в приведенном нами примере.

При помощи суффикса *-тель* могут образовываться сложные слова, соответствия аналогичных новообразований в оригинале: «*Sky-born and royal, / snake-choker, dung-heaver, / his mind big with golden apples, / his future hung with trophies*» — «Неборорожденный, царственный воин, / **змеедушитель, навозовздыматель**, / упитанный яблоками золотыми, увенчанный будущей славой» (S. Heaney) (Ш. Хини, пер. Г. Кружкова). Оба слова являются точными соответствиями английских сложных слов: *snake* — змея, *choker* — душитель, давитель; *dung* — помет, навоз, *to heave* — поднимать, вздымать(ся), *heaver* — грузчик. Необходимо отметить, что *душитель* является узуальным словом, в то время как *вздыматель* — потенциальное новообразование. Таким образом, в оригинале потенциальность проявляется в образовании сложных слов, оба компонента которых узуальны, в переводе же создается потенциальное существительное со значением деятеля — *вздыматель*.

Английские новообразования на *-er* могут переводиться на русский также при помощи суффикса *-ун*:

The baby isn't cute. In fact he's
a homely little pale and headlong
stumbler.

Малыш не то чтоб симпатичный. Бледненький
(похоже) домосед, и **спотыкун**
лбом об пол.

(Н. Machugh) (Х. Макхью, пер. Г. Дашевского)

Здесь английское неузуальное слово *stumbler* передано в соответствии с принципами поморфемного перевода русским потенциальным словом *спотыкун*: *to stumble* — *спотыкаться, оступаться*, эквивалентом суффикса *-er* выступает формант *-ун*, имеющий значение «лица, которое характеризуется <...> по привычному действию или по склонности к действию, названному мотивирующим глаголом» [4. С. 485]: *молчун, ворчун, говорун, болтун*. При этом данные образования имеют «неодобрительно-пренебрежительный или снисходительно-фамильярный оттенок» [6. С. 85]. В то же время данный суффикс является регулярным только в разговорной речи.

Спотыкун создано по непродуктивной модели, однако это точно найденный эквивалент английского слова, свидетельствующий о расширении класса слов со значением деятеля.

Необходимо также рассмотреть саму конструкцию *спотыкун* // *лбом об пол*, в которой происходит перенесение валентности узального глагола *спотыкаться* на потенциальное существительное *спотыкун* (можно споткнуться чем-то о/обо что-то). Таким образом, в данном тексте присутствует не только потенциальное существительное со значением деятеля, но потенциальная синтаксическая конструкция.

Интересно, что употребление данного слова встречается в интернете (около 160 вхождений), причем как в значении лица, который спотыкается, так и в значении предмета, о который спотыкаются (*камень-спотыкун*).

Таким образом, в языке переводной поэзии при образовании новых слов — названий лиц по действию используются наиболее продуктивные словообразовательные аффиксы, соответственно, данные новообразования признаются нами потенциальными на основании этого критерия, а также критериев прозрачности внутренней формы и понятности. Активного нарушения норм языка в переводных поэтических текстах не происходит по причине того, что переводы поэзии создаются с установкой на адресата [7]. Приводимые нами данные интернета также свидетельствуют о присутствии данных новых слов в других дискурсивных практиках, что свидетельствует также об их потенциальном, а не окказиональном характере.

В текстах переводов поэзии не было обнаружено примеров использования непродуктивных аффиксов, что позволяет нам прийти к выводу о том, что язык переводной поэзии тяготеет к потенциальному словообразованию, реализует возможности системы принимающего языка. То есть, мы видим, что переводная поэзия воплощает только те возможности, которые, скорее всего, будут реализованы в языке или даже реализуются в данный момент (данные интернета).

В то же время в текстах оригинальной русской поэзии находит отражение противоположная тенденция — реализуются новообразования — названия лиц с непродуктивными формантами: *-ец*, *-ыш*, *-арь*.

Суффикс *-ец*, который является регулярной, но непродуктивной при образовании названий лиц по совершаемому ими действию, словообразовательной единицей, функционирует в языке оригинальной русской поэзии: *плывец* не бойся не тупец / не скорость рог а строгость (Д. Давыдов). Такие новообразования часто избыточны, как в приведенном примере, то есть в языке уже имеется узальное название лица по этому действию — *пловец*. В этом и состоит основное различие стратегий в области образования новых слов в переводной и оригинальной поэзии: в языке переводной поэзии есть стимул для образования нового слова — необходимость найти эквивалент созданному в оригинале новообразованию, при этом

такой эквивалент должен быть максимально понятен для адресата; язык оригинальной поэзии в этом смысле ничем не связан — более такого каждый поэт ищет свои языковые реализации, строит свою систему внутри уже существующей языковой системы, конструирует свое языковое пространство — поэтому и возникают словоформы, избыточные для системы языка, но отражающие языковую стратегию поэта, которая часто как раз и состоит в избегании узуальных и системно обусловленных форм и конструкций. Соответственно, многие новообразования в языке современной оригинальной русской поэзии являются окказиональными: *плывец* создано по непродуктивной модели, оно не встречается в интернете.

В языке современной оригинальной русской поэзии более частотны окказиональные сложные слова с суффиксом *-ец*:

Жил-был на белом свете один Совершенно Не Тот,
упорный **кораблекрушонец** (В. Полещук).

Я помню, жил на свете человек,
пока не умер от туберкулеза,
который, помню, гордо заявлял
по пьянке, что он **насекомоложец** (Л. Лосев).

Такие слова могут быть образованы как от узуальных процессуальных существительных (*кораблекрушение*), так и от окказиональных насекомоложество — по аналогии с *мужеложество*; таким образом, во второй мере перед нами окказионализм с большей степенью аномальности.

Суффикс *-ыш*, непродуктивный в общенациональном языке и не функционирующий в языке переводной поэзии, демонстрирует некоторое, весьма небольшое, количество употреблений в языке оригинальной русской поэзии:

Да если б даже всех позамели
и позабавили хужавок в отдельье
загорбыши в запятом поколеньи
пропутствия немого не секли (Н. Искренко);

Что ж ты плачешь среди глинобитных оград,
как на известь на эти глядишь пелены?
Аромат бесполезный плывет наугад,
никому не жена, но **ознобыш** весны,
ты во взломанный склеп привела с собой сад (К. Кравцов).

Данные новообразования признаются нами окказиональными, несмотря на то, что в них не нарушен критерий понятности (хотя и здесь могут возникать некоторые сомнения насчет того, обозначают они лицо или предмет) — оба приведенных слова образованы с помощью непродуктивного форманта по неузуальной словообразовательной модели — существительное + *-ыш*:

в узусе подобные названия лиц и предметов образуются по модели — глагол (или прилагательное) + *-ыш*. Отметим также, что оба новообразования не встречаются в интернете.

Еще менее употребителен в качестве форманта, образующего названия лиц, в языке оригинальной русской поэзии малопродуктивный в узусе суффикс *-арь*:

как жизнь... Гони! лети, мой возник волгский,
забубенный **таксарь**, пятискоростей помыкатель!
Гони хребтом моста, холмистым, словно бег
степного волка. Ату его, ату — в упряжку! (А.Иличевский).

Данный пример аналогичен примеру *пловец*, так как в языке существует узуальное название человека, управляющего такси, — таксист. Соответственно, возникновение окказионализма *таксарь* подтверждает наш вывод о стремлении поэтов выйти за рамки языковой нормы, создать свою поэтическую систему внутри уже существующей системы языка. Пространство языка оригинальной поэзии характеризуется избыточностью, возникающей вследствие стремления поэтов создавать «свои» слова (формы), нередко дублирующие уже существующие в узусе.

В то же время использование языком оригинальной поэзии непродуктивных формантов при создании новых слов — названий лиц по действию не говорит о том, что поэтический язык игнорирует продуктивные словообразовательные модели. Например, суффикс *-тель*, продуктивный в узусе и весьма активно функционирующий в языке переводной поэзии, используется и языком оригинальной русской поэзии:

Выпиватель водки. **Несъедатель** ни крошки.
Отрепьем брюк **подметатель** панелей.
Он прежде жил у старушки в сторожке
в оледенелой стране оленей (Л. Лосев).

В данном примере создается парадигма новообразований с суффиксом *-тель*, которые мы признаем потенциальными, так как модель с этим суффиксом является одной из самых продуктивных в узусе при создании наименований лиц. Также данные слова функционируют в других дискурсивных практиках, о чем свидетельствуют данные интернета: *выпиватель* — 430, *несъедатель* — 190, *подметатель* — 460 вхождений.

Следующий пример интересен тем, что в нем также создается парадигма названий лиц, однако состоящая из узуальных и неuzuальных слов, при этом неuzuальные формы образованы с помощью разных формантов: продуктивных (*-тель*: *мерцатель*), непродуктивных (*-ец*: *самоутвержденец*; *-ла*: *соковыжимала*, *телепогоняла*), заимствованных (*-ман*: *гигантоман*), а также сложением основ с нулевой суффиксацией (*татаровер*):

Когда вора́м реме́сленника́м сука́м
гиганто́манам и сюрреалиста́м
мерцате́лям телегопо́гонялам
приёмсодатчи́кам и **самоутвержде́нцам**
когда самца́м овсолога́м гусара́м
татарове́рам и порфи́роносца́м
чому́жнисо́колам и **соковы́жималам**
и клятвопреспа́ньемашеда́яркам
когда сучка́м задоринка́м и прочи́м
когда им все́м ссы́лаясь на обыча́й
отпуста́т боро́ды тало́ны и грехи́
и отда́дут на ми́лость Са́мого
Обще́ственного вспомо́ществова́нья (Н. Искренко).

Большинство из них окказиональны, кроме слова *мерцатель* (650), а некоторые настолько аномальны, что нарушают критерии понятности и прозрачности внутренней формы: *овсолог*, *чому́жнисо́кол*, *клятвопреспа́ньемашеда́ярка*. Здесь уже можно говорить не только о создании автором своей поэтической системы, но и создании своего языка. Такого рода эксперименты указывают уже не на скрытые резервы языка, а на их пределы [8]. Поэт как будто измеряет бесконечное пространство языка, пытается наступать его границы.

Таким образом, сопоставление новых слов — названий лиц по действию в текстах переводной и оригинальной поэзии дает возможность сделать вывод о том, что в оригинальных текстах автор более свободно обращается с ресурсами русского языка, во многих случаях создавая уже не только потенциальные, но и окказиональные словоформы. В оригинальном творчестве поэт может стремиться выйти за рамки языковой нормы, создать свою поэтическую систему, свое языковое пространство, при переводе же он связан ограничениями, налагаемыми наличием оригинала, системой принимающего языка и ориентацией на адресата. Это приводит к тому, что прозрачность переводного текста выше, чем оригинального, что ведет к реализации в нем только потенциальных форм, в текстах же оригинальной поэзии возникают и окказиональные, и потенциальные словоформы.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Проблемы морфологии и словообразования (на материале испанского языка), М., 2007. С. 94.
2. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973. С. 238.
3. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 2009.
4. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 2005.

-
5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 2007.
 6. *Виноградова В.Н.* Стилистический аспект русского словообразования. М., 2011.
 7. *Азарова Н.М.* Критерий «адресат» в установлении границ поэтического дискурса // Логический анализ языка. Адресация дискурса, М., 2012.
 8. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека, М., 1999. С. 79.

Институт языкознания РАН

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Грант №14-28-00130.